ПЕРВЫЙ ПОЭТ

В этом году исполняется 290 лет со дня рождения первого поэта из среды российских немцев графа БЕРНГАРДА ЛЮДВИГА фон ПЛАТЕНА

Он появился на свет в 1733 году в герцогстве Брауншвейгском или, по другим данным, в Померании. Не изменяя семейной традиции, закончил кадетский корпус в Берлине. В качестве прусского офицера участвовал в нескольких военных кампаниях, в том числе и в Семилетней войне (в 1756-63 годах), в результате которой разорился и остался без занятий.

Поэт поневоле

Как известно, именно в это время в немецких княжествах распространялся манифест Екатерины II, приглашавший немцев поселиться на пустующих землях Российской империи. Оставшийся без средств к существованию, офицер и дворянин Платен решил откликнуться на этот призыв и поискать счастья в России, тем более, что манифест обещал целый ряд соблазнительных привилегий. Позже он напишет:

Mundirung Geld und Gut	*Да, жизнь моя скудна:*
Thät mir nun gänzlich fehlen	*Давно уж нет кола, двора*
Kurz meine ganze Sach	*Хожу без униформы,*
War gänzlich schlecht bestellt.	*Лишился прочего добра.*
Ich kann es ohne Klag	*Гуляет ветер в кошельке,*
Vor Leute so verhehlen	*Свистит в походной сумке,*
Ich mußte barfuß gehen	*Не помню уж, когда был сыт*
Kein Schnaps war nicht zu wählen.	*Не говоря о доброй рюмке.*
Drauf resolvirt ich mich	*И вот решился избежать*
Auch mit dahin zu gehen	*Всех неудач напасти*
Ob ich mein Glück nicht könnt	*И тож в России попытать*
In Rußland blühen sehen	*Увертливого счастья.*
Ging also eilings hin	*Надумав, поспешил*
Zum Werbungs-Kamisanden	*К вербовки комиссару.*
Sagt daß ich ein Offizier	*Что офицер да из дворян,*
Auch gut von Adel wär.	*Тут выпалил я с жаром.*[1]

Данные строки заимствованы из «Описания путешествия колонистов и образа жизни русских» (Reisebeschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Rußen, von Offizier Blahten), сделанного Платеном по пути или непосредственно по прибытию в Россию. В этой связи следует отметить, что российские немцы обратились к описанию своей истории уже в 18 веке. В моей книге «Stimmen aus dem Abgrund» указан целый ряд таких авторов. С научной точки зрения названные описания, конечно, не равнозначны, хотя некоторые из них представляют интерес до настоящего времени. Что касается указанного произведения Платена, то наряду с тем, что его автор сам был участником

[1] *Немецкий текст „Описания“ заимствован из работы Петра Зиннера „Bernhard Ludwig von Platen, der erste wolgadeutsche Dichter und sein Gedicht“. Автор русского перевода - д-р А.Р. Обердерфер. В статье сохранена орфография и пунктуация данных источников.*

изложенных им событий, оно обращает на себя внимание также своей – пусть шероховатой - стихотворной формой и этнографическими экскурсами.

В край обетованный

Переезд будущих колонистов в Россию в XVШ веке осуществлялся преимущественно по Балтийскому морю, исходным пунктом был при этом порт города Любек, а портом назначения в России – Ораниенбаум. Сразу по прибытию туда Платен подал прошение о принятии его на офицерскую службу, но в этом ему было категорически отказано. И так как денег на возвращение в Германию у Платена не было, оставалось одно – стать, как и все прибывшие в Россию переселенцы, колонистом и отправиться вместе со всеми на Нижнюю Волгу. Для этого был сформирован обоз и хотя дело шло к зиме, переселенцев отправили в путь, который занял сорок дней. Сначала – до города Торжок, расположенного на берегу Волги в Тверской губернии - шли пешком. Отсюда предстояло на барже спуститься по Волге до Саратова. Но начались холода, Волга со дня на день могла встать, поэтому пришлось зимовать в русском селении недалеко от Торжка. Всё это, в том числе и жалкий быт, бедность, леность, бесправие и бескультурье русских крестьян нашло отражение в „Описании“ Платена, ср.:

Ich hatte nun die Stub	*А я гляжу на это обиталище*
Vor mir allein zu sehen	*Где из-за кур, свиней, овец,*
Nur Hühner, Schwein und Schaf	*Снующих всюду под ногами,*
Davor konnt ich kaum gehen.	*Нельзя пройти в другой конец*
Die führten sich dabei	*Ведут они себя к тому ж*
Auch ziemlich schmutzig auf	*Действительно по-скотски,*
Da dacht‘ ich bei mir selbst	*И я не чаял перенесть*
Hier gehst du auch wohl drauf	*Всех этих тягот идиотских*
.....	.....
Allein was war zu thun	*Но был ли выбор у меня*
Bei diesen kalten Tagen	*В такую злую стужу.*
Da man die warme Stub	*Когда и по своей нужде*
Sehr gerne thut vertragen.	*Не всяк бежит наружу*
So arbeit‘ er nicht viel	*Мужик живёт убого,*
Er lebt auch herzlich schlecht ,	*Хозяйство тянет кое-как,*
Er führt auch keinen Staat,	*И обликом не разнятся*
Der Herr geht wie der Knecht	*Хозяин и его батрак.*
Kein Silber Seiden Zeug	*Ни серебра, ни шелка,*
Nur lauter Leinwand Sachen	*Одежду скудную из льна*
Das läßt er sich im Haus	*Тачает домочадцам*
Von seiner Matschka machen	*Крестьянина жена.*
Keine Stiefel keine Strümpf	*Нет сапог и нет чулок,*
Ja auch sogar die Schuh	*Обувку поставляет лес.*
Da nimmt er aus dem Wald	*Приходится беднягам*
Von Bäumen Bast dazu	*Кору сдирать с древес.*
.....	.....

Vor Rauch und dicker Dampf	*У печки не было трубы,*
Weil hier kein Schornstein war	*Я погибал от чада,*
Bis daß mein Mittagsbrod	*Которого не избежать:*
Im Ofen fertig war	*Топить, варить ведь надо.*
Gorschok und Badeika	*Что мы кастрюлями зовём*
Wie wir die Töpf thun nennen	*Хозяйка заменяла*
Lernt man im Überfluß	*Горшком с бадейкою,*
In ihrer Wirtschaft kennen.	*И было их в дому немало.*
Die Fenster sind von Glas	*Оконца в доме из стекла -*
Doch nur zwei Scheibelein,	*Вконец засиженные шибки.*
Daß kaum die liebe Sonn	*Их пробивает солнца луч*
Kann geben ihren Schein	*И в ясный день не шибко.*
Kein Bette lieben sie	*Спят на лавках и полатях*
Die Bank und auch der Ofen	*В зной и вовсе на полу.*
Da muß die Matschka nun	*На печке матшка батшке*
Den Batschka innig loben.	*Нередко воздаёт хвалу.*

Националистические предрассудки или правдивое описание?

Надо ли говорить о том, что такое описание вызвало у некоторых русских авторов в незабвенном СССР резкое неприятие. И не только у русских: даже В.К. Эккерт, который за свои статьи о нашей литературе вне всякого сомнения заслуживает признания, не удержался от обвинения Платена в „националистических предрассудках“. Я думаю, что Вольдемар Корнеевич всё-таки ошибся. В самом деле, мог ли офицер из дворян, воспитанный в духе усердия, чувства долга, точности и аккуратности иначе описать быт полусонной русской деревни XVШ века? Причем здесь „националистические предрассудки“? Кроме того, насколько мне известно, А.Р. Обердерфер в этой связи первым обратил внимание на то, что „*сходное описание быта крестьян той же местности*“ примерно в то же время сделал А.Н. Радищев в своем „Путешествии из Петербурга в Москву “. Сравним:

„*Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шероховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у*

него постепенно! С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...“

Итак, та же печь без трубы, дым и сажа, корыто – *чтобы кормить свиней или телят*, два или три горшка, деревянные чашки или тарелки, «пустые шти», кадка с квасом, похожим на уксус, посконная рубаха, онучи с лаптями. Только в окошке не стекло, как у Платена, а натянутый пузырь... Тоже „националистические предрассудки“? Думаю, что нет. И очень жаль, что В.К. Эккерт этого не читал. Ведь здесь, скорее, выражено сочувствие тяжкой доле русских крепостных крестьян. Просто Радищев идёт дальше и не только изображает, но и обвиняет, изобличая тех, кого считает виновным в описанном положении крестьян. Во всяком случае, сейчас известно, что события, описанные Платеном, совпадают с данными других исследователей.

Наблюдательность и здоровый рассудок

Кроме того, „Описание“ позволяет довольно точно охарактеризовать самого автора поэмы. Наш известный писатель, историк, педагог и краевед Peter Sinner сделал это еще в 20-х годах прошлого столетия в своей работе „Bernhardt Ludwig von Platen, der erste wolgadeutsche Dichter und sein Gedicht“. Зиннер пишет: „... *Наблюдательность, здоровый рассудок и способность изобразить то, что задело его за душу просто поражают <…> доклассическому периоду его стихи оказывают большую честь. Они просты, но содержательны, передают различное расположение духа“.* Зиннеру вторит в книге „Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga“ Готлиб Бератц, который называет Платена *„отцом историографии немецких колоний на Волге“* (Vater der Geschichtsschreibung der deutschen Kolonien an der Wolga), а его поэму – „старейшим историческим документом“ (das älteste historische Schreibstück), составленным колонистом, понимая при этом, что, строго говоря, Платен в момент работы над своей поэмой колонистом не был, но он им стал и таковым себя и считал, во всяком случае в своем стихотворении он называет колонистов братьями (Kolonisten-Brüder).

Печальная перспектива и благоприятный исход

По замыслу Саратовской конторы Комиссии иностранных поселенцев все прибывшие немцы должны были стать крестьянами. Будущим колонистам, с которыми в Россию прибыл Платен, место для проживания было определено на левом берегу Волги, верстах в 60-ти ниже Саратова. Ландшафт, на первый взгляд, радовал глаз: высокий берег, заливной луг, небольшая чистая речка Поповка, прекрасный вид на Волгу. По сложившемуся у немцев Поволжья обычаю основанная здесь колония была названа по имени первого форштегера - Иост (Jost), позднее Поповка, как и протекающая здесь речка. Но всё это Платена не радовало. Перспектива стать крестьянином угнетала его, была невыносимой и дикой, ср.:

Kein Adel Charakter,	*Как и дворянство столбовое,*
Kein Amtsrecht, kein Offizier,	*Чиновники и офицеры.*
Ihr müßt nun Bauern seyn:	*И выбора вам нет:*
Da ist kein Rat dafür.	*Сейчас крестьяне все вы*

O weh, was sagt mein Herz!	*О сердце бедное моё!*
Was quälen mir Gedanken,	*Закралось опасенье,*
Wie viele sah ich krank	*Что все погибшие в пути*
Ja gar auch Sterbenskranke.	*Достигли избавленья.*
Ich dachte hin und her:	*Я размышляю так и сяк:*
Soll ich ein Bauer seyn?	*Ужель стать землепашцем?*
Da schlage Pulver Blei	*Да разрази их гром,*
Und alle Flam hinein!	*Все эти адские напасти!*
Nun wurden wir veertheilt	*Меж тем нас поделили.*
Als wie in Noahs Kasten.	*Как в Ноя сундуке.*
Wer nichts zu fressen hat,	*Готовы ли поститься,*
Bereite sich zum Fasten.	*Коль пусто в рюкзаке?*

Не приспособленный совершенно к крестьянскому труду, не помышлявший никогда стать крестьянином, офицер и дворянин Платен вынужден был превратиться в работника-подёнщика, так как был на тот момент еще холост и не имел права на собственное хозяйство. Оставалось надеяться на случай, на благоприятный исход. И такой случай, к счастью, вскоре представился. Слух о графе-подёнщике, видимо, дошел до графа Денгофа, представителя известной в Германии фамилии, который также решил поискать счастья в России. Его именем была названа колония Денгоф (Dönnhof), так как граф стал её первым форштегером. Он-то и предложил Платену стать воспитателем своих детей. Платен предложение принял и несколько лет прожил в качестве гувернёра в Денгофе. К тому времени он уже женился и деятельная жена не давала ему унывать, а жалованья, которое ему платил Денгоф, по всей видимости, позволяло свести концы с концами.

Вскоре Платен получил предложение от пастора села Гуссенбах (в настоящее время Линево озеро Волгоградской области) занять место его помощника (кюстера) и учителя в приходской школе. Сведений об этом периоде его жизни в поэме нет.

Загадка смерти поэта

Летом 1774 года супруги Платены по каким-то причинам отправились в Денгоф. Это было в первых числах августа. Именно в это время колонию захватили отступавшие от Саратова ватаги самозванца Пугачёва, который, как известно, безжалостно расправлялся с попавшими в его руки представителями дворянства. Так, согласно Г. Берацу, когда Пугачёв узнал, что в Денгофе проживает граф, он пообещал повесить последнего на его собственной косичке. (По моде того времени косички носили дворяне и представители интеллигенции). Но предупрежденный граф (Денгоф) успел, согласно опять же Г. Берацу, спрятаться в поленнице дров и смог, благодаря этому, спастись.

П. Зиннеру удалось найти составленный в колонии Иост документ (Schriftstück), согласно которому Бернгард Людвиг Платен умер 20 августа 1774 года, „на той стороне Волги“, т.е., скорее всего, в Денгофе. Его жена, согласно данному документу, скончалась через семь дней после этого „от горячки“ (am hitzigen Fieber).

Тот факт, что смерть Платена и его жены по времени совпадает с нападением ватаг Пугачёва на колонию, позволяет предположить, что супруги стали жертвами пугачевских злодеев.

Резюме

Некоторые литературоведы считают, что поэма Платена не оказала существенного влияния на литературу российских немцев. Думаю, что с этим можно поспорить, но то что Платена подчас называют „родоначальником нашей литературы“, на мой взгляд, сомнению не подлежит.

По мнению А.Р. Обердерфера, поэма Платена заслуживает *„достойного русского перевода“*. Отрадно, что в последнее время такие попытки предприняты. И в первую очередь сделал это сам А.Р. Обердерфер, перевод которого, на мой взгляд, является наиболее удачным. Он же считает, что *„если бы такие документы стали в свое время доступны российским немцам, Иванов, не помнящих родства, было бы меньше“*. Мне нечего к этому добавить.

Роберт Корн